

**ИМПЕРИЯ «ЗРИМАЯ» И «НЕЗРИМАЯ»:
ПОСИЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕМЕ
ИМПЕРИИ В РУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Ольга Оришева¹

Abstract

The conceptual focus of the article is a split between “visible” and “invisible” Empire constitutive for the Russian literature. Empire is taken in its (geo)political reality as an utopian in its nature image of Empire as a promise of grandeur, unity, universality and synthesis of different cultures. In the framework various manifestations of “invisible Empire” in the Russian post-Soviet fiction are considered. A special attention is paid to Eduard Limonov’s project “Other Russia” as seemingly congenial to ideological foundations of Donetsk People’s Republic and Lugansk People’s Republic.

Keywords: the social imaginary, Russian post-Soviet fiction, Russian Empire, “invisible empire”, “Other Russia”, war in Ukraine.

Новороссийская война, война в Донецке и Луганске – это война писателей. Они ее сначала написали, а потом в ней участвовали.

Дмитрий Быков

Веселый и грозный дух Империи непоседлив, он кочует, блуждает, переходит с места на место, то он в Персии, то в Месоамерике ольмеков, сегодня в златотканой Византии, а завтра в роевой Японии или Австро-Венгрии, под завязку набитой вальсами и шампанским. Осиротевшие народы, оставленные этим духом, начинают тосковать и говорить о демографических проблемах, защите животных, куклах Барби, овечках Долли и кризисах производства. Жизнь без этого роскошнейшего из демонов блекнет...

Павел Крусанов

Свои размышления я обозначила как посильные по причине, которая лежит на поверхности: русская литература, даже взятая в относительно короткий – постперестроечный –

¹ Ольга Оришева – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и организационной психологии Института психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Минск, Беларусь).

период своего существования, способна предоставить материал, достаточный для написания нескольких докторских диссертаций. Несмотря на разговоры о кризисе пресловутого русского литературоцентризма под натиском современной – преимущественно визуальной – культуры, русская словесность продолжает напоминать чудесный горшочек, продолжающий варить с труднообъяснимым упорством². Кроме того, сложность задачи обусловлена хронологической близостью объекта, который словно противится взгляду со слишком близкой дистанции и требует куда больших отрезков времени для осмысления. Как, в частности, указывает Лев Данилкин, особенность русской литературы нулевых в том, что она почти не поддается централизации, «гуртованию»: трудно выделить определенную писательскую фигуру, вокруг которой организовывалось бы поле словесности; таких фигур – ярких, трудносоизмеримых между собой – появилось как минимум несколько³.

Вторая необходимая оговорка относится к неоднозначности употребления классификатора «фантаст» применительно к литераторам, тексты которых так или иначе будут рассматриваться в данной статье. Если, скажем, по отношению к Вячеславу Рыбакову и Льву Вершинину это вполне естественно, то случай Дмитрия Липскерова или Павла Крусанова требует особых уточнений. Многие авторы говорят о смешении, конвергенции или рокировке, произошедшей между литературой основного потока и фантастикой: если во времена СССР граница между ними была почти непреодолима, то в последние десятилетия можно наблюдать множество случаев «вынужденной интервенции» мастеров мейнстрима (по конъюнктурно-рыночным или идейным соображениям) на территорию других жанров, в первую очередь фантастики. Как пишет Дмитрий Володихин: «Вряд ли Владимир Сорокин, Павел Крусанов и Дмитрий Быков сознательно ставили себе задачу написать фантастические романы, но “Лед” Сорокина, “Укус ангела”, “Бом-бом” Крусанова, а также “Орфография” Быкова в мире фантастики были таковыми признаны. Сорокинский сюжет находит немало аналогов в патентованной НФ. Крусанов и Быков номинировались на АБС-премию⁴, попали в финал, а Быков с “Орфографией” получил

² Примечательно, что литературовед Лев Данилкин назвал свою книгу, посвященную обзору русской литературы нулевых, «Клудж». Клудж – жаргонное обозначение компьютерной программы, которая теоретически работать не должна, но работает: ничто не предвещало появления в первом десятилетии XXI века ураганного количества ярких и сильных текстов, но тем не менее это случилось.

³ Л. Данилкин: *Клудж* // Журнальный зал. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/des11.html#_ftnref1. Дата доступа: 12.08.2016.

⁴ «АБС-премия» (Международная литературная премия в области фантастики имени Аркадия и Бориса Стругацких) – международная литературная премия, которая вручается ежегодно решением специального жюри за лучшие произведения литературной фантастики, написанные на русском языке. Учреждена в 1998 году.

первое место (2004), оставив позади соперников – матерых фантастов. Что касается крусановского романа “Укус ангела”, то он органично вошел в шторм имперской/антиимперской фантастики, поднявшийся около 2000 года и не стихающий по сей день»⁵.

Легионеры незримой Империи

На фоне событий в Украине – аннексии Крыма, ситуации с ДНР и ЛНР, мерзостей информационной войны – русская литература (не впервые, но с особой остротой) воспринимается как пособница режима, генератор и проводник имперских идей, культурное обеспечение экспансивной российской политики. Возможно, именно поэтому признание Светланы Алексиевич в том, что она любит добрый гуманитарный «русский мир»⁶, было воспринято некоторыми беларусскими интеллектуалами и просто людьми, не чуждыми культуры, как скандальное, как еще одно подтверждение, что пишущая по-русски Алексиевич не является «сапраўдным» нобелевским лауреатом от Беларуси.

Затрагивая более общую проблему соотношения политики и искусства, трудно отрицать их неразделимость. Благодаря работам Ж.-Ф. Лиотара, Ж.-Л. Нанси, П. де Манна, Ф. Лаку-Лабарта, П. Бурдьё, Ж. Деррида, Т. Иглтона, Ж. Рансьера, Ф. Джемисона и др. взаимосвязь эстетического и политического можно считать своего рода аксиомой. В частности, Фредерик Джемисон в своем «Политическом бессознательном» делает вывод о неизбежной «виновности» всякого произведения искусства. Произведение изначально отмечено грехом идеологической ангажированности уже в силу того, что представляет собой попытку разрешить на воображаемом уровне реальные культурно-политические противоречия своей эпохи⁷.

Понятно, что без культурной – просветительской – составляющей политическая колонизация была бы просто геноцидом⁸. Однако простая квалификация русского литературного наследия как инструмента политического доминирования возможна только за счет слепоты к сложности и многомерности русской литературы, в частности к ее критическому, протестному измерению⁹. Более нью-

⁵ Д. Володихин: *Место встречи... Фантастика и литература основного потока: конвергенция?* // Журнальный зал. – Режим доступа: <http://http://magazines.russ.ru/znamia/2005/12/volo10.html>. Дата доступа: 02.08.2016.

⁶ Алексиевич: *я люблю добрый гуманитарный русский мир, но не люблю мир Берли, Сталина, Путина* // Naviny.by, 05.10.2016. – Режим доступа: naviny.by/rubrics/culture/2015/10/08/ic_news_117_464647). Дата доступа: 11.09.2016.

⁷ F. Jameson: *The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act*. N.-Y.: Cornell Univ. Press 1981, 281–299.

⁸ А. Эткинд: *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, М.: Новое литературное обозрение 2016, 17.

⁹ Такой подход мы обнаруживаем в книге: Эва Томпсон: *Имперское знание: русская литература и колониализм*. Режим доступа:

ансированный, чувствительный к противоречиям подход угадывается в прекрасной формулировке Александра Эткина: «Угнетение делало культуру политически релевантной, а власть – культурно продуктивной. В русской культуре Российская империя одновременно искала инструмент управления и боялась ее как орудия революции. Культура была и экраном, на котором находящееся в опасности общество видело себя, и уникальным органом самосознания, обратной связи, предупреждения и скорби»¹⁰.

В рамках русской культуры литература издавна занимает привилегированное положение. Во многом в ущерб развитию частных гуманитарных и социальных дисциплин она брала на себя функции философской рефлексии, социологического анализа, психологической науки. Используя терминологию Корнелиуса Касториадиса, можно сказать, что литература была своеобразным зеркалом если не российского общества, то российского «социального воображаемого», тематизируя, оплотняя трудноуловимые «социальные воображаемые значения», важнейшим из которых, безусловно, является «Империя».

Империя принадлежит к числу наиболее амбивалентных и объемных социокультурных категорий, способных порождать широкую гамму эмоций, от восхищения до ужаса и омерзения. Взгляд с территории колониальной окраины, каковой по воле исторических судеб являлась Беларусь, почти с неизбежностью окрашивает ее образ в черные тона, так как опыт Империи здесь равносителен травматичному опыту отсутствия субъектности и дееспособности, бытия объектом садистской культурной политики и безжалостной экономической эксплуатации. С учетом этого опыта доверие к официальной пропагандистской риторике о братстве восточнославянских народов в самом лучшем случае может квалифицироваться как результат наивности или незнания истории¹¹.

Однако вполне оправданное в «окраинном» контексте восприятие Империи как синонима мирового зла кажется мне продуктивным не только в силу своей вызывающей подозрения однозначности, но потому, что оно обрубает какие-то возможности для понимания нашей политико-культурной ситуации и возможности действия в ее рамках. Мне представляется очень важной способность удерживать в сознании комплексность имперской идеи, в частности те ее стороны, которые обуславливают ее привлекательность.

Одной из наиболее ярких персонификаций неоднозначности этой идеи может служить фигура Иосифа Бродского, сложная иден-

<http://www.studfiles.ru/preview/4299477/>. Дата доступа: 12.09.2016.

¹⁰ Эткин, указ. соч., 12.

¹¹ Весьма показательное название дискуссии, прошедшей в Чеченском государственном университете им. Л. Толстого, состоявшейся в феврале 2016 г. – «Имперскость современной России – каждый народ драгоценен!», см.: *Выступление в Чеченском государственном университете имени Льва Толстого* 20.03.2016, Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/63702>. Дата доступа: 12.09.2016

тичность которого уже сама по себе словно намекает на имперский культурный универсализм и всеядность. Бродский – еврей, побывавший гражданином обеих крупнейших сверхдержав своего времени, величайший русский поэт, причем поэт очевидно имперского толка. Анализируя причины неожиданной популярности Бродского у новых русских почвенников, Дмитрий Быков в своих выступлениях выявляет основные составляющие его «имперскости». Будучи талантливым поэтом и прозаиком, Быков уходит от лежащих на поверхности свидетельств, в частности практически не ссылается на одиозное «На независимость Украины». В конце концов, у Бродского мы можем обнаружить немало антиимперских по характеру стихов – от «Представления» до «Мексиканского романсеро», где вид грандиозных ацтекских пирамид порождает у автора (а вслед за ним – у читателя) только скуку и усталость¹². Имперским поэтом Бродского делает определенного рода мегаломания – стремление к масштабности любой ценой, в силу которой величие стиля и объем поэтического текста начинают превалировать над содержанием. Другим принципиально важным моментом, по мнению Быкова, является вычитание из поэзии всего «слишком человеческого», сознательная культивация Бродским антигуманизма¹³. Однако по-человечески осуждать Бродского за антигуманизм не означает отрицать значение и значительность написанного им. Забавно, что в подобном духе можно анализировать поэзию Пушкина, имперскость которого при желании можно усмотреть не только и не столько в позиции, заявленной в «Клеветникам России» и «На годовщину Бородинской битвы», сколько в универсальности его дара, способности Пушкина блистать в разных жанрах и вживаться практически в любой материал¹⁴.

Высокая поэзия создает прецеденты, которые заставляют как минимум пересмотреть привычку употреблять определение «имперский» сугубо в ругательном смысле. Напротив, имперскость в данном случае является своеобразным знаком качества, указанием на то, что метрополия, аккумулируя огромные ресурсы, концентрируя лучший человеческий «материал», задает высочайшую планку для культурных достижений. Делая долгосрочные вложения

¹² «Скушно жить, мой Евгений. Куда ни странствуй, всюду жестокость и тупость воскликнут: “Здравствуй, вот и мы!” Лень загонять в стихи их», см: *Сочинения Иосифа Бродского*, Т. 3, СПб.: ММІ 2001, 100.

¹³ См., в частности, текст авторской передачи Быкова «Один» на «Эхо Москвы» от 26.06.2015. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/odin/1573078-echo/>. Дата доступа: 20.09.2016.

¹⁴ «Что ж было предметом его поэзии? Все стало ее предметом, и ничто в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов. Чем он не поразился и перед чем он не остановился? От заоблачного Кавказа и картинного черкеса до бедной северной деревушки с балайкой и трепаком у кабака (...) На все, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на все, что ни есть в природе видимой и внешней», см.: Н.В. Гоголь: *Сочинения*, М.: ОЛМА-Пресс 2002, 915.

в собственное величие, властители сверхдержав способствуют созданию «нетленки», непреходящих культурных ценностей.

Подобный мотив является одним из смыслообразующих моментов в программной статье Павла Крусанова «Легионеры незримой империи», ставшей, наряду с текстами Александра Секацкого, своеобразным манифестом литературной группировки питерских фундаменталистов¹⁵. Повторяя мысль, прозвучавшую в его поразительном и поражающем своей неполиткорректностью романе «Укус ангела», Крусанов пишет:

«Империя исполнена воли к экспансии и нарушению равновесия в мире, она строит пирамиды и возводит Колизеи, потому что способна на сверхусилие, на объективно ненужное сверхусилие, на то, чтобы что-то сделать *навечно*. Скажем, изваять город на болоте. Построить город на мечтах и посчитать это основание надежным фундаментом. И не просто город – столицу. Ни одна демократия такое не осилит, поскольку она работает с фанерой – категория вечности не включена в будничныи план ее бытия, а ее кредо – жить сегодняшним днем – продиктовано тяжелейшим комплексом самозванства (урвать бы еще час наслаждения, еще хоть минуту, ведь в любой момент может прийти господин и прогнать с незаконно занятого места)»¹⁶.

В этом объективно ненужном усилии идея экстраутилитарности, элитарного характера культуры доводится до мыслимого предела. По сути, крусановское поэтическое определение Империи от констатации имперской природы культуры как таковой отделяет только один шаг, который он, собственно, и делает чуть ниже по тексту, называя культуру имперкой¹⁷.

Текст Крусанова – не просто вариант нищезанятия *à la russe*, он интересен тем, что позволяет хотя бы отчасти прояснить факт органической включенности идеи Империи в русскую словесность, а также включенность русской словесности в имперские реалии. Кроме того, он дает возможность сформулировать противопоставление «незримой Империи» как некоего эйдоса, высшей идеи и Империи «зримой» как неизбежно профанирующей идею ее земного воплощения. Нетрудно догадаться, что петербургские фундаменталисты тяготеют к платонизму, и путеводной идеей для них является Империя незримая – «империя духа, достойная не только великодержавных заявлений, но и великодержавных действий». «Воплотившаяся Империя вечно не соответствует идеальному замыслу о ней, но на то и мир вещества, чтобы опошлять эйдосы. Задача имперцев – на пределе возможного нейтрализовать эту пошлость»¹⁸.

¹⁵ «Петербургские фундаменталисты» – литературная группа, возникшая в конце 1990-х гг. Участниками группы являются А. Секацкий, П. Крусанов, С. Носов, Н. Подольский, В. Рекшан.

¹⁶ П. Крусанов: *Легионеры незримой империи* // Евразийский союз молодежи. Режим доступа: <http://www.rossia3.ru/pkrusanov>. Дата доступа: 15.08.2016.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

По выражению Евгения Абдуллаева, перепад между «имперскими грезами» и «имперской явью» – то, на чем держится как российская власть, так и российская поэзия. Имперская реальность «породила “страшную государственность” (выражение Мандельштама); она же породила и современное образование, науку, литературу, и – не в последнюю очередь – русскую поэзию в ее классической и постклассической формах»¹⁹. Однако уйдем от общих рассуждений и обратимся к непосредственному объекту нашего анализа.

Имперская тема обнаруживает себя в русской фантастической литературе постсоветской эпохи далеко не сразу. Как пишет в статье «Неоампир» российский историк и писатель-фантаст Дмитрий Володихин: «До самого конца 1990-х российской фантастике было глубоко наплевать на Империю. Не на какую-нибудь конкретно, а на Империю вообще, на Империю как глобальную социокультурную категорию»²⁰. До конца 1990-х «Россия катилась по рельсам либерального, западнического проекта с легким привкусом глобализации. (...) будущее виделось в постепенном разворачивании реальности “идеального Запада” на территории России»²¹. Потрясения ельцинской эпохи, переход от плановой экономики к рыночной, результатом которой стало чудовищное социальное расслоение, и другие прелести «демократии по-российски» внесли существенную поправку в этот образ. Ощущение открывающихся новых возможностей уступило место ощущению обманутости и утраты – утраты уверенности в завтрашнем дне, национального достоинства и др.

В сложившейся ситуации Империя становится основным (едва ли не единственным) состоятельным кандидатом на звание русской утопии, «пустым означающим», организующим вокруг себя любые смыслы, претендующие на статус ценностей, – от экономического процветания, военной мощи, социальной стабильности и справедливости до ощущения себя частью единого целого, возвышающего простого человека в его повседневном существовании. Подручный материал, из которого вылепливается конкретный литературный образ Империи, может быть очень разным – межгалактическая экзотика, советское прошлое, эстетика России XIX века, дальневосточные культурные реалии; на роль духовной скрепы имперского общества выдвигаются русская культура, православие, конфуцианство, оккультизм и даже ислам.

Начнем с книг, в которых наиболее отчетливо угадывается социокультурный контекст, в котором идея Империи обретает второе

¹⁹ Е. Абдуллаев: *Поэт и империя* // Журнальный зал. Режим доступа: [http:// http://magazines.russ.ru/znamia/2016/6/poet-i-imperiya.html](http://magazines.russ.ru/znamia/2016/6/poet-i-imperiya.html). Дата доступа: 28.08.2016.

²⁰ Д. Володихин: *Неоампир* // Независимая газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/kafedra/2001-05-08/3_neoampir.html. Дата доступа: 08.09.2016.

²¹ Д. Володихин: *Русская утопия* // Национальная литературная премия «Большая книга». Режим доступа: <http://bigbook.ru/articles/detail.php?ID=7560>. Дата доступа: 02.09.2016.

дыхание. Особый интерес в этом отношении представляет роман Андрея Столярова «Жаворонок» (1999), который можно рассматривать как отчаянную попытку повернуть время вспять, обратив необратимые последствия Беловежского соглашения. Столяров страстно солидаризируется с теми, для кого распад СССР оказался равносильным разрушению структур осмысленной повседневной жизни, причиной материальных и, что важнее, духовных лишений. Когда центробежные силы уже высвобождены и процесс распада некогда единой страны кажется необратимым, изменить ситуацию может, пожалуй, лишь чудо.

Россия сейчас действительно готова к приходу мессии. Горек вкус национального унижения, и тревожен гул продвигающейся на Восток военной техники НАТО. Что бы ни говорили о репрессивной системе, созданной коммунистами, но Советский Союз был в истории человечества поистине уникальным образованием. Обществом без явной национальной вражды и без трагических религиозных противоречий. На колоссальном пространстве от Камчатки до Бреста, от полярной тундры до пустынь Средней Азии каждый человек, где бы он ни родился и на каком бы языке с детства ни говорил, чувствовал себя гражданином единой вселенной. Перестройка должна была раздвинуть эту вселенную еще больше, демократия – вывести государство в ряд сильных и процветающих стран. А вместо этого – потери территорий, населенных миллионами человек, уродливая колючка границ, враждебность вчерашних друзей. Не вселенная, а комната в коммунальной квартире, не свободная экономика, а нищета и криминальный грабеж, не величественная держава, а сырьевая колония, распродающая остатки нефти и газа. Почти каждый бывший гражданин советского государства растерян и оскорблен. У него под сладкие обещания отняли родину, подсунув взамен нечто иное. Никакими политическими руладами не заглушить этой тоски. Потерявший свой дом будет вспоминать о нем всю свою жизнь²².

Таким чудом становится появление новой Жанны Д'Арк, точнее, просто Жанны – ничем, казалось бы, не примечательной девочки из российской глубинки, самой обыкновенной святой, которая становится проводником божественной благодати в царстве зла и грязных политических технологий.

В романе Столярова, пожалуй, впервые прорабатывается столь болезненная сейчас «украинская тема» – на определенном отрезке своего короткого жизненного пути Жанне суждено стать «Севастопольской девой», лидером духовного сопротивления русского Крыма «жовто-блакитному» диктату. Вопреки жесткому противодействию как официального Киева, так и официальной Москвы, девушке удается организовать народный марш на Киев, порождающий энтузиазм и надежду на воссоединение страны практически на всей ее бывшей территории. Однако последствия волны

²² А. Столяров: *Жаворонок* // Журнальный зал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/6/stoly.html>. Дата доступа: 20.09.2016.

народного энтузиазма и возмущения потенциально настолько губительны для отлаженной работы большой политико-экономической машины, что «автору ничего не остается, как пристрелить героиню». Как итог, рукотворный Голем побеждает Бога²³.

К фантастам-имперцам, ностальгирующим по временам СССР, также, как правило, относят Льва Вершинина, чья колониально-космическая диалогия о Сельве – «Сельва не любит чужих» (1999), «Сельва умеет ждать» (2000) – легитимирует Империю в качестве организующего начала. Стоит упомянуть, что сейчас Вершинин известен не столько как писатель, сколько как политолог агрессивно-пророссийского уклона.

С определенными оговорками к ностальгическому жанру может быть отнесена книга Олега Дивова «Выбраковка» (1999), вызвавшая в свое время немало споров. Оговорки необходимы, так как предпосылкой сытой, безопасной и упорядоченной жизни (контрастирующей с реалиями «лихих 90-х») в пределах вымышленного «Славянского союза»²⁴ становится масштабная зачистка населения. Дивов – слишком тонкий автор, чтобы формулировать выводы и даже подводить читателя к ним каким-то явным образом, читатель должен сделать их сам, чтобы просто сохранить право считаться человеком.

Отчасти «Выбраковка» перекликается со «Сверхдержавой» (2000) Андрея Плеханова, в которой оборотной стороной экономического подъема и растущего политического могущества России оказывается заражение населения особым вирусом, делающего человека внушаемым. За «неагрессивной силой» и процветанием державы обнаруживается реальность, в которой 90% населения фактически превращены в зомби, а 10% нечувствительных к вирусу граждан сегрегированны в особых «чумных зонах».

С легкой руки Дмитрия Володихина в русской имперской фантастике в качестве особого направления принято выделять «русское викторианство»²⁵, один из наиболее сильных образцов которого представлен в романе Вячеслава Рыбакова «Гравилет “Цесаревич”». Роман написан в жанре альтернативной истории, и Россия представлена такой, какой она могла бы быть, не случись ни один из катаклизмов XX века. Страна сохранила монархический строй, который органично сочетается с высоким уровнем развития технологий; коммунизм – всего лишь одна из конфессий с сильным этическим началом, своего рода антидот привычного для нас оголтелого индивидуализма. Романый мир на диво уютен, благополучен и выстроен на предпосылке о том, что человек добр и порядочен

²³ С. Соболев: *Противостояние в искусстве (обзор фантастической литературы)* // Чисто любительский проект Липецкое обозрение фантастики Журнал критики и публицистики Семечки. Режим доступа: <http://www.s3000.narod.ru/20040218.htm>. Дата доступа: 23.08.2016.

²⁴ Союз России и Беларуси.

²⁵ Изначально концепцию «викторианской России» разработал российский филолог и политолог Вадим Цымбурский, у которого Володихин заимствует термин и общие контуры подхода.

по своей природе – злоба, жестокость, насилие там безобразны «словно проказа» и выглядят настолько ненатурально, что кажутся привнесенными из другого измерения. Как показывает развитие сюжета, все именно так и обстоит. Князь Александр Львович Трубецкой, полковник госбезопасности и убежденный коммунист, расследуя крушение гравилета «Цесаревич», в результате которого погибает наследник престола Александр Петрович, обнаруживает в подвале баварской виллы вместилище параллельного «малого мира», отравленного токсинами ненависти усилиями двух злых гениев, живших более ста лет назад. Исторические катаклизмы XX века являются по сюжету частью этой параллельной действительности, специально «выращенной в пробирке», точнее, в клепаном котле, откуда флюиды катастроф посредством психодвойников проникают в светлый «большой мир».

Уют этого мира напоминает об атмосфере доброй семьи: имперская форма организации социальной жизни обеспечивает единение как представителей разных сословий, так и различных народностей. Ощущение того, что «каждый народ драгоценен», достигается благодаря галерее ярких, «стереотипизированных национальных типов: князь Ираклий Георгиевич, Иван Вольфович Ламздорф, Кажинская Станислава Соломоновна, Лиза, Рамиль и т.д. В отношении каждого из этих героев вычленяется реализация доминантного национального стереотипа, становящегося структурной основой построения поведенческой модели образа: польская гордость (Кажинская Станислава Соломоновна), немецкая педантичность (Иван Вольфович Ламздорф), грузинский темперамент (князь Ираклий), милосердие, смирение и терпение, свойственные концепту “русская женщина” (Лиза), и т.д.»²⁶

Интегрирующим началом, репрезентатором культурной универсальности Империи становится всеохватная «русская душа» главного героя, мечтающего говорить на языках всех народов необъятного государства. Когда в самом начале романа Трубецкой огорошивает князя Ираклия фразой на хорошем грузинском, а потом сокрушенно признается в поверхностности своих знаний, тот восклицает: «Лопнет твоя головушка от такого размаха (...) Вот действительно русский характер. Уж если языки – то все сразу. А если не все – то ни одного. В лучшем случае – от каждого по фразе. Имперская твоя душа... Побереги себя»²⁷.

В других своих романах Рыбаков продолжает эксперименты с идеей имперскости: если в «Гравилете» она фактически отождест-

²⁶ Т.Н. Бреева: «Викторианская Россия» в структуре национального мифа (на материале русского историсофского романа конца XX века) // КиберЛенинка. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/viktorianskaya-rossiya-v-strukture-natsionalnogo-mifa-na-materiale-russkogo-istoriosofskogo-romana-kontsa-hh-veka>. Дата доступа: 23.09.2016.

²⁷ Бреева, указ. соч.

вляется с «русскостью», то в «Евразийской симфонии»²⁸ русское начало почти полностью растворяется в гибридной идентичности государства Ордусь, построенной на фундаменте православия и конфуцианства. Как говорится в «Деле жадного варвара», величайшим, богатейшим и гуманным государством мира Ордусь сделала именно «культура уважительности к иному, культура способности все считать родным и все приспособлять для пользы народа»²⁹. Да, хоть в Ордуси существуют разбойники и случаются преступления, там, как гласит основной жизненный принцип этого вымышленного мира, «плохих людей нет».

Несомненным достижением «русского викторианства» является книга Елены Хаецкой «Звездные гусары: Из записок корнета Ливанова» (2003) – легкая, изящная стилизация русской классики³⁰ с элементами космического боевика. В воображаемом мире, выстроенном Хаецкой, светские красавицы с «локонами, прихваченными диадемой», могут рассуждать о добыче нефти на далекой колонизированной планете, в то время как космические корабли Российской империи бороздят пространства вселенной; аналогом свирепых кавказцев становятся инопланетяне, боевых коней заменяют глайдеры, а на космической станции обнаруживается кибер, играющий в клопшотс. Однако, как пишет в послесловии к книге Макс Фрай, очарование книги обусловлено не столько удачным смешением разнородных эстетик, сколько утопической составляющей книги – тем, что Хаецкой удалось создать убедительную иллюзию иной, куда более жизнедостойной реальности, своего рода «другой глобус». Всякое и разное способны учинить обитатели этого глобуса, но в общем и целом пути героев прямы, нравы чисты, а честь и достоинство являются чем-то до неприличия нормальным. «Дело (...) не в том, что действие романа происходит на далеких планетах, важно другое: все действующие лица прибыли туда на перекладных-почтовых звездолетах из иной, невозможной, несбывшейся, идеальной России, чьи контуры нанесены на тот самый другой глобус, способный (...) примирить с жизнью любого мизантропа»³¹.

Выше я говорила об условности отнесения рассматриваемых авторов в рубрику фантастики, эта условность наиболее отчетливо прослеживается в случае Дмитрия Липскерова и Павла Крусанова, автора «Укуса ангела», который, по выражению Льва Данилкина, стал одним «из первых успешных отечественных романов, автором

²⁸ Серия романов, написанная Рыбаковым в соавторстве с Игорем Налимовым под псевдонимом Хольм Ван Зайчик.

²⁹ Хольм Ван Зайчик: *Дело жадного варвара*. Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks316813. Дата доступа: 25.08.2016.

³⁰ Легче всего в тексте Хаецкой распознаются отсылки к «Герою нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Капитанской дочке» А.С. Пушкина.

³¹ Макс Фрай: *Послесловие*, см. в: Е. Хаецкая: *Звездные гусары. Из записок корнета Ливанова*. Режим доступа: <http://fantasy-worlds.org/lib/id10395/read/>. Дата доступа: 24.09.2016.

которого не были Пелевин и Сорокин»³². Ольга Славникова в своем обзоре имперской литературы конца 1990-х выделяет книги Липскерова и Крусанова в отдельную категорию романов-фантастических (которые, несомненно, принадлежат к литературе «основного потока»).

В романе «Сорок лет Чанжоэ» (1997), заслужившем Липскерову славу «русского Маркеса», повествуется о городе Чанжоэ, возникшем где-то на дальних рубежах Российской империи. Население новоявленного города постепенно формируется из разномастного по национальной и сословной принадлежности «материала», скрепляющим началом которого становится «русскость», практически утрачивающая какую-либо собственную качественную определенность. По удачной формулировке Славниковой, в своем романе «Липскеров создал Российскую империю в колбе, опытный образец, отделенный от мира прозрачными стенами инобытия»³³.

Империя в духе Крусанова представляет собой сложную синтетическую конструкцию, в которой сочетаются элементы повседневного и магического, современные политтехнологии и просто технологии совмещаются с чародейством, реалии конца XX века соединяются с эстетикой века XIX. Блеск Рима и Византии различим в ореоле величия России, которая отбила черноморские проливы и включает в свой состав страны Восточной Европы и Финляндию. Как любое произведение высшей пробы, «Укус ангела» трудно подчинить какому-то одному прочтению, но ни из одной из возможных интерпретаций вычесть Империю невозможно. Так, Илья Кукулин среди других линий романа выделяет феноменологию того, «как рождается и функционирует псевдорелигиозная мечта об империи»³⁴. Лев Данилкин прочитывает книгу Крусанова как «роман, в котором высказана надежда на пришествие диктатора, антилиберала, антизападника, империалиста-реваншиста». Именно таким правителем является Иван Некитаев (по прозвищу Иван-Чума), человек со всеми задатками сверхчеловека, получивший трон не благодаря сомнительному механизму наследования, а в силу избранности – укушенности / поцелованности ангелом. «Иван Некитаев – (...) некоторым образом проекция идеального Путина, воплощение компенсаторного мифа о правителе-реваншисте, способном вернуть России статус сверхдержавы»³⁵.

В начале нулевых Дмитрий Володихин писал: «В ближайшее время, надо полагать, по пути неоампира, проторенному фантастами-мастерами, пойдут фаланги авторов попроще. Имперская идея стала продаваемой. А значит, произойдет ее естественная

³² Данилкин, указ. соч.

³³ О. Славникова: *Я люблю тебя, империя* // Журнальный зал. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/12/slavn.html>. Дата доступа: 21.09.2016.

³⁴ И. Кукулин: *Как упоительны в России ангела* // Независимая газета. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-06-22/2_angels.html. Дата доступа: 16.08.2016.

³⁵ Данилкин, указ. соч.

коммерциализация. Читателю станет труднее выкапывать действительно ценные форманты неоампира в груде вторичного продукта. С другой стороны, основные элементы имперской модели прозвучат громко, внятно, различимо даже для слепоглухих»³⁶. Судя по количеству имперско-фантастических изданий, появившихся в первые полтора десятилетия XXI века, образ надвигающихся строем писателей-имперцев второго, третьего и вообще бог знает какого ряда оказался пророческим. Добавить к нему можно, пожалуй, только новозаветное «имя мне – легион».

Чтобы составить представление о характере такого рода продукции, можно ознакомиться с серией «Русская имперская фантастика», выпускаемой издательством «Яуза-ЭКСМО» с 2011 года и включающей на сегодняшний момент около 30-ти книг явно макулатурного характера с аляповатыми обложками и названиями, отражающими качество содержимого. Приведу лишь несколько наиболее красноречивых названий: «"Красные генералы". За Державу больше не обидно» (2011) Ильи Бриза; «Подлецы и герои» (2011), «Время героев. Россия всегда права» (2012) Александра Афанасьева; «Горны империи» (2012) Олега Верещагина; «Звездолет "Иосиф Сталин" на взлет!» (2011) Владимира Перемолотова и др.

Благодаря усилиям «Яуза-ЭКСМО», «Фолио» и других издательств обильно и в совершенно предсказуемом ключе представлена украинская тема – «Омега» Андрея Валентинова (2005); «Поле боя – Украина. Сломанный трезубец» (2009), «Поле боя – Севастополь. Город-герой против НАТО» (2010), «Украина в крови. Бандеровский геноцид» (2014) Георгия Савицкого; «Эпоха мертворожденных» (2008) Глеба Боброва; «Война 2010. Украинский фронт» (2009), «Украинский ад. Это наша война» (2014) Федора Березина; «Украинский гамбит. Война 2015» (2012) Михаила Белозерова и т.д. Трудно не заметить, что основная часть книг, в которых основой сюжета выступает конфликт на территории Украины, изданы до 2014 года.

Несмотря на неоднородность перечисленных текстов³⁷, в целом сказать что-то хорошее об этих книгах также сложно, как и читать их, читать же сложно, потому что, несмотря на динамичность сюжетов и обилие событий, в целом возникает тягостное ощущение, что на самом деле ничего не происходит. Есть только извечное противостояние светлой (русской) и темной стороны (Украина и силы Запада).

Империя: перезагрузка. Другая Россия

Если для Павла Крусанова неприятие настоящего находит выход в грезах об имперском величии, а противоречие между реа-

³⁶ Володихин: Неоампир, указ.соч.

³⁷ К примеру, «Эпоха мертворожденных» Боброва – крайне неоднозначный текст, идеологически схематичный и в то же время очень искренний, если не сказать страданный.

лиями Империи зримой и незримой разрешается в духе Платона – как неизбежное опошление высокого идеала при воплощении в косной материи, то Эдуард Лимонов является образцом художника, практикующего литературу «прямого действия»: Империя – то, что можно и должно воплотить в реальности.

Если опираться не столько на формулировки программ национал-большевистской партии и группы «Другая Россия», сколько на прозу Лимонова, его диагноз ситуации выглядит примерно следующим образом. Обе стороны извечного российского противостояния – народ и власть – давно дискредитировали себя. Народ – алкогольные «дяди Васи» и «толстые от картохи и сладкого теста тетки» – дает живой пример вырождения, а власть давно утратила всякую пассионарность и способность к принятию ответственных политических решений. Обе стороны живут в соответствии с «русским адатом», под которым писатель понимает «негласные традиции, восходящие к крепостному праву. (...) Традицию подчинения начальству, традицию бар, которые пороли своих крепостных, продавали их целыми семьями или меняли на борзых щенков»³⁸. «Именно из “адата” унаследовали наши пенсионеры ментальность покорных крепостных, а наши чиновники – ментальность самодержавных бар, а наши менты – ментальность забубенных опричников»³⁹. Подлинно революционной группой, способной переломить ситуацию и стать альтернативой выродившейся нации, являются пассионарные «отморозки» – «маргиналы, истерики, бродяги, демагоги, ораторы, недоучки, бомжи, перекачиполе всякое»⁴⁰ и молодежь, еще не загубившая себя привычкой жить со склоненной выей.

Помимо низкого качества основной массы человеческого «материала» и вульгарной поглощенности власти борьбой за кабинеты, Лимонов особо выделяет еще одно принципиальное препятствие для возрождения нации и построения «Империи от Владивостока до Гибралтара на базе русской цивилизации». А именно – суровый русский климат⁴¹, в силу которого большая часть населения с малых

³⁸ Э. Лимонов: *Русская литература и российская история* (лекция) // Полит.ру. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/03/28/limonov/>. Дата доступа: 15.08.2016.

³⁹ Э. Лимонов: *Другая Россия* // Полит.ру. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/34212/Limonov_-_Drugaya_Rossiya.html. Дата доступа: 15.08.2016.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Россия – это, прежде всего, черно-белая зима. Белая равнина, где, как маковые зернышки на бублике, рассыпаны группки мертвых три четверти года деревьев. (...) Глядя из иллюминатора низко летящего самолета, российское пространство хмуро и безотрадно. Белая плоскость с черными нитями дорог, проскобленных как бы ногтем на замерзшем стекле. Белое – это саван мертвого, это бельё больного, это снег. Белое – это не жизнь, во всяком случае. Земля не должна быть белой три четверти года. (Ну хорошо! Две третьих!) Белой и морозной с минусовыми температурами. Это противоестественно. Холод и белое – это отвратительно», см.: Э. Лимонов: *Русская литература и*

лет становится заложницей спальных гетто, бетонных клетушек, дающих человеку изначальный, определяющий дальнейшее существование опыт несвободы.

Предпосылкой выхода из ситуации для Лимонова является геополитическая реальность «русского пояса» постсоветских республик, на территории которого пассионарное меньшинство совместно с местным русскоязычным населением смогли бы создать «Другую Россию», свободную от «поповско-ментовско-чиновничьего» диктата, определяющего жизнь в метрополии. Приведу достаточно большой и идейно насыщенный фрагмент из Лимонова, где он рассуждает о возможности построения нового квазигосударственного образования на территории «русского пояса» Казахстана.

«Сорок лет спустя после целинного эксперимента, начала, увенчавшегося успехом, перед политиками, которые желают сохранить русскую цивилизацию, стоит задача создания Нового, другого русского государства на более плодородных, на южных, в сравнении с доставшимися нам мерзлыми пространствами, землях. Русским, а имеются в виду не столько этнические русские, сколько живые, здоровые силы всей русской цивилизации, обязательно включая второй по величине крупнейший родственный этнос России – татар – и вообще российских мусульман, следует выселиться на юг, расширяться туда, куда они углублялись прежде только для sporadических завоеваний, в глубь Евразии. На земли современного Казахстана, а затем, если возможно, и в окрестный Туркестан. Овладеть ими. Обжить их. И создать там Срединное государство – Другую Россию. Я именно написал осторожно: овладеть ими. Ибо речь не идет о жестком завоевании. Времена завоеваний прошли. Пришло время миграций, слияний, обтекания. В Европе, к примеру, живут многие миллионы арабов и турок. Казахское население должно быть обтекаемо нами и теми несколькими миллионами русских и несколькими миллионами русскоговорящих украинцев, белорусов, татар, немцев, которые уже живут среди казахов. При этом неизбежно нужно будет заразиться в какой-то мере Исламом. Иначе прочной новой нации Другой России не случится. Это будет Срединное государство с русским языком, с плодотворным смешением культур и обычаев»⁴².

Достаточно буквально пары силлогизмов, чтобы провести аналогию между построениями Лимонова и политическими экспериментами на территории «русского пояса» Украины. Как утверждает Дмитрий Быков, ДНР (которую он характеризует как «странную смесь духовности и бандитизма») представляет собой попытку идеалистов обрести для русских землю обетованную.

Донецк – российский Израиль. Очень многие говорят, что это российская Палестина. Нет. К сожалению, не так. Из общества вы-

российская история (лекция) // Полит.ру. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2006/03/28/limonov/>. Дата доступа: 15.08.2016.

⁴² Э. Лимонов: *Ереси* // RuLit. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/eresi-read-98313-31.html/>. Дата доступа: 29.08.2016.

деляется (тогда – из большой еврейской диаспоры, очень сильно пострадавшей от Холокоста, теперь – из русского мира, который переживает и раздробленность, и униженность, и многие не лучшие времена) пассионарная часть. Эта пассионарная часть вдохновляется совершенно эклектичными, очень странными идеалами. Они хотят восстановить ту Россию, которая существует в их воображении. (...) Сейчас в Донецке воюет пассионарное меньшинство. Это попытка построить правильную Россию на чужой территории. Осталось уговорить чужую территорию⁴³.

Дмитрий Быков в различных контекстах не раз высказывал идею о том, что война в Украине была предсказана, а затем осуществлена писателями-фантастами (а также реконструкторами). Под «писателями-фантастами» подразумевается в первую очередь уже упоминавшийся Федор Березин, бывший заместитель министра обороны ДНР, глава Союза писателей ДНР и автор двух десятков книг в жанре боевой фантастики, в том числе «Украинского фронта». «Реконструкторами» является собственно Иван Стрелков, бывший министр обороны ДНР, глава движения «Новороссия», писатель и публицист, достаточно известный среди военных реконструкторов Москвы.

Объяснение Быковым украинских событий слишком остроумно, чтобы быть правдой, хотя удельный вес правды в нем велик. Высокий уровень регионализации в Украине, к сожалению, не является плодом воображения графоманов, а геополитические противоречия, связанные с наличием «русского пояса», слишком реальны, чтобы локализовать их существование исключительно в «воспаленном коллективном мозгу российской правящей элиты и ее пропагандистов»⁴⁴. Нельзя забывать, что в Украине есть собственные традиции сепаратизма. К слову сказать, литературные сценарии противостояния «двух Украин» первыми создали именно украинские авторы – Александр Ирванец в романе «Ровно» и Дми-

⁴³ Д. Быков: *Выступление в программе «Особое мнение» («Эхо Москвы») от 04.06.2014* // Эхо Москвы. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1333020-echo/>. Дата доступа: 26.08.2016. Фактически в тех же терминах о проекте Другой России пишет Лимонов: «Пусть говорят: “Так никогда не было!” (...) Нужна дерзость. Над основоположниками сионизма, над Герцлем, над Жаботинским смеялись свои, когда они сформулировали доктрину сионизма и сообщили, что Израилю нужна территория для своего государства. (...) В 1948 году Бен-Гурион объявил о создании Еврейского государства в Палестине. Мы объявим о создании своего – Второй России. (...) Будет Вторая Россия: прибежище новой цивилизации, свободная земля обетованная», см.: Э. Лимонов: *Другая Россия* // Полит.ру. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/34212/Limonov_-_Dругaya_Rossiya.html. Дата доступа: 15.08.2016.

⁴⁴ Д. Быков *Украинские события были предсказаны и осуществлены авторами боевой фантастики* // Газета «Сегодня», 08.07.2014. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/07/08/60261-voynapitateley>. Дата доступа: 02.08.2016.

три Губенко в повести «Сходнославия», написанных на рубеже прошлого и нынешнего веков⁴⁵.

Среди российских авторов наиболее близким к реальным событиям оказался сценарий уже упоминавшегося луганского писателя Глеба Боброва, представленный в его книге «Эпоха мертворожденных» (2007)⁴⁶. В версии «Мертворожденных» Украина разделена на три автономных образования: Галицийскую Республику (Закарпатская, Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) на Западе, Центрально-Украинскую Республику со столицей в Киеве и Восточную конфедерацию (Харьковская, Донецкая, Луганская области). ЦУР начинает войну с Восточной конфедерацией при поддержке восточноевропейских стран, так называемых «младоевропейцев», отделившихся от остальной Европы. США и Россия не принимают открытого участия в конфликте.

Если невидимая Империя в духе Рыбакова, Хаецкой, Липскерова и Крусанова несет на себе отпечаток прекрасной, возвышенной грезы, то благодаря усилиям боевых фантастов массолита идея Империи приобретает лубочную выразительность, что, к сожалению, только делает ее более убедительной для широких масс невзыскательных читателей. В этом лубочном варианте она, похоже, только и может быть реализована в действительности.

В заключение

После всего сказанного, пожалуй, трудно не согласиться с Павлом Крусановым, который называет Империю «роскошнейшим из демонов», тем более что эта характеристика сама по себе крайне двусмысленна.

Империя делает возможным «объективно ненужное сверхусилие», в результате которого возникают высшие достижения человеческого духа.

⁴⁵ Интересное сопоставление сценариев развития событий у Боброва, Ирванца и Губенко можно найти в статье: А. Чаленко: *Как писатели поделили Украину: кровавая битва под Луганском, осада Ровно и атака на Подол* // Сегодня.ua, 27.11.2007. Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/kak-picатели-podelili-ukrainu-krovavaja-bitva-pod-luhanckom-ocada-rovno-i-ataka-na-podol.html>. Дата доступа: 15.08.2016.

⁴⁶ К 2015 году роман выдержал шесть переизданий. «Вскоре после появления бумажной версии романа электронная появилась в Интернете, и книга Боброва стала весьма популярной у читателей в Сети. По утверждению автора, только на сайте современной военной литературы Окопка.ру роман прочло более полумиллиона читателей, и в электронной библиотеке Максима Мошкова – столько же. Всего у романа “Эпоха мертворожденных” как минимум 2 миллиона читателей. И это число растет», см.: «*Эпоха мертворожденных*»: *примет ли Россия фатальные жертвы русских Малороссии?* // EurAsia Daily, 09.09.2015. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2015/09/09/epocha-mertvorozhdennyh-primet-li-rossiya-fatalnye-zhertvy-russkih-malorossii>. Дата доступа: 03.08.2016.

Империя предлагает всечеловечность и универсализм вместо национальной обособленности; плодотворный синтез культур вместо местного колорита.

Империя обещает формы жизни, где определяющим является служение высшей идее, а не сугубо личным корыстным интересам.

Империя – то, что позволяет одним реализовать волю к власти, а другим – потребность в сильной руке. И даже своим противникам ей, кажется, есть что предложить – экзистенциальный накал, возникающий как результат необходимости противостоять ужасающему противнику, необходимости выполнять трудоемкую, но осмысленную операцию вычитания Империи из собственного опыта⁴⁷.

Однако представляется, что основное искушение Империи связано с возможностью избежать жизни в секулярном «расколдованном мире», другими словами – в Истории со всей ее непредсказуемостью и катастрофичностью. В этом смысле идея Империи прекрасно стыкуется с одной из центральных характеристик «русской матрицы», социального воображаемого российского общества – антиисторизмом.

«Сознание человека “русской матрицы” архаично и инфантильно. (...) Время для такого сознания течет циклично, точнее, по спирали, но с очень вялой поступательной компонентой. (...) Приход нового правителя знаменует очередное обнуление времени и ритуальное обновление космоса, когда жизнь начинается с чистого листа, а весь накопившийся исторический опыт сбрасывается, как ветхая одежда. В этом нет ничего уникального: такое отношение архаического сознания к историческому бытию хорошо описано М. Элиаде на материале древних народов. Уникальность, однако, в том, что в данном случае носителем антиисторического сознания является народ, глубоко вовлеченный в современный мир и сам парадоксальным образом привнесший историзм и феодально-имперскую государственность в бытие архаичных народов Сибири и Дальнего Востока»⁴⁸.

Едва ли можно дать внятный ответ на вопрос о том, насколько литература повинна в воспроизводстве извечной «русской матрицы», обуславливающей цикличность российской истории. Является ли она всего лишь своеобразным самописцем, фиксирующим подспудно работающие в коллективном воображаемом образы, или же, кристаллизуя их в общественном сознании, способствует их удивительной живучести?

Единственный ответ, который приходит мне на ум, достаточно уклончив. Пожалуй, подлинное возвышение России, ее внутреннее обустройство и возникновение в ней принципиально новых – более человеческих – форм социальной жизни станет возможным только тогда, когда в великой русской литературе утвердится иная – неимперский – вариант «русской утопии».

⁴⁷ Славникова, указ. соч.

⁴⁸ А. Пелипенко: Проклятие русской матрицы // *Власть*, 2 (2014), 17.